

— Ну, хорошо, я согласенъ, только дай мнѣ всего два слова сказать.

Снова, какъ во флигелѣ, крикъ, шумъ, боевая схватка не на животъ, а на смерть.

Щепкинъ слушаетъ, слушаетъ, глаза его все больше и больше разгораются, и вотъ онъ, смотрите, встаетъ, напираетъ на избранную имъ жертву—на того, кто ересью своей особенно возмущаетъ его, и начинаетъ на него покрикивать и осаживать его назадъ, такъ что тотъ постепенно, въ самомъ дѣлѣ, приближается къ стѣнѣ.

Споръ разражается общимъ хохотомъ—дружнымъ, лихимъ, молодецкимъ.

А лѣтомъ Михаилъ Семеновичъ любилъ заводить съ молодежью и всей своей семьей пикники. Вотъ тамъ-то раздолье и спорамъ, и безшабашной удалн молодцамъ.

Онъ вѣдь лѣтомъ работалъ, игралъ на сценѣ не меньше, чѣмъ и зимой. Но въ свободный денекъ, какъ только онъ выдастся—это, впрочемъ, не такъ-то ужъ часто бывало,—Щепкина каждодневно норовили облекать въ театральнй парикъ,—Михаилъ Семеновичъ первымъ долгомъ рвется къ своимъ на дачу. И если можно еще прихватить денекъ, другой, чтобы вдоволь насладиться любимымъ отдыхомъ въ идиллической обстановкѣ, онъ устраивалъ пикники.

Придумываются дальнія прогулки. Берутъ съ собой обязательно самоваръ, провизию, сласти.

Лучшаго житья, какъ въ Апухтинѣ, тоже подмосковное мѣсто,—дѣти Михаила Семеновича не могли себѣ и представить.